«Северный вестник», г. Москва
1962, Ч. 1.

БОРЬБА МЕЖДУ СВОИМИ — БОРЬБА ЗА СВОЕГО

ЧИТАТЕЛЯМ хорошо известна пьеса Б. Лавренева «За тех, кто в море!». Надеюсь, они помнят одного из главных ее героев — капитана-лейтенанта Боровского. По имеющимся сведениям, в первоначальном варианте автор старался с наибольшей силой выразить в нем такие качества, что мы, по сути, должны были посчитать его совершенно чуждым нашему обществу, нашей морали. Боровский, что называется, оказывался по ту сторону баррикад. В окончательном варианте отношение автора к Боровскому решительно изменилось. Он словно подобрел к нему. Сделал его человеком не без серьезных изъянов (мириться с ними было никак не возможно), но «чужаком» его именовать было бы совершенно неверно.

Почему так произошло? Быть может, на писателя оказала давление безызвестная «теория бесконфликтности»? Быть может, он решил ослабить драматическую напряженность, облегчить остроту столкновения?

Существует как один из основополагающих признаков драматургического произведения борьба противоборствующих сил. Ну, и, естественно, чем поларнее характеры, чем резче они противоположны друг другу, тем, предполагается, острее должна быть между ними схватка. Да, это так. И в этом плане, допустим, такой хрестоматийный пример, как столкновение Отелло и Яго, особенно наглядно, особенно показателен.

А если так, то в первоначальном видении Лавреневым образа Боровского скрывалось, выходит, больше возможностей для изображения борьбы с ним людей, ему противостоящих. Зачем же было опытного писателя, большому мастеру драматургии пересматривать сущность характера?

Видимо, зоркий глаз и чуткий слух художника, внимательно всматривающегося в мир и оценивающего его, заставили иначе посмотреть на природу современного драматического конфликта.

Но тут сразу во избежание кривотолков нелишне сказать, подчеркнуть, что все, о чем пойдет речь ниже, ни в коей мере не означает, что нам менее необходимы изображения схваток людей взаимосключающего мировоззрения, у которых нет и быть не может никаких точек соприкосновения — моральной, психологической, идейной... Пьесы такого рода чрезвычайно нужны.

Мы же хотим здесь поразмыслить о тех столкновениях, которые происходят «между своими», и подумать: не могут ли они быть не менее острыми, напряженными, горячими, где-то решительно непримиримыми, чем борьба людей различных лагерей, представителей различных общественных сил. Думается, не требует необходимости разъяснения, что мы разумеем высокий накал борьбы только в эмоциональном плане, нравственно-психологическом: в социальном плане накал борьбы между «чужими» куда более сильный.

Вернемся к Боровскому. Наш это человек? Бесспорно. Советский офицер, он ненавидит врага и готов идти на самую рискованную операцию, всегда готов пожертвовать жизнью. Боровский — мастер своего дела. Он умеет увлекать и воодушевлять людей. Не случайно о нем так говорит один матрос: «Сам веселый, и людям с ним весело». И хотя далеко не все его качества симпатичны окружающим, они все-таки за многое отдают Боровскому должное. И тем не менее автор его развенчивает. Боровский терпит и служебное, и личное поражение. А все же его главный антипод, капитан-лейтенант Максимов, говорит ему в финале: «Между нами нет и не может быть личного. Мы были и останемся друзьями. В этом даю руку!».

Борьба «со своим» и борьба «за своего» — конфликт но-

вый, рожденный условиями, законами нашего, советского образа жизни.

Раскроем страницы любых газет, и мы сразу обнаружим неисчислимое количество конфликтов подобного рода. Да разве каждый из нас повседневно не наблюдает их вокруг себя? Разве не являемся мы свидетелями и участниками борьбы такого рода?

Вспомним другую пьесу совершенно иного жанра, чем «За тех, кто в море!», вспомним «Славу» В. Гусева. В этой лирической драме тоже противопоставлены два героя — Мотыльков и Маяк. Маяк в какой-то степени родственник Боровского. Он так же храбр, энергичен, настойчив в достижении цели, он так же готов ринуться на подвиг, ни минуты не колеблясь, не раздумывая. Но и у Маяка, как и у Боровского, явственно ощущается повышенное самлюбие, эгоистичность, он так же не лишен позерства, показного героизма, что дорого обходится людям.

И закономерно, что и автор «Славы» отдает свои симпатии Мотылькову — человеку, лишенному позы, скромному, но внутренне не менее горячему, чем его темпераментный, блистающий друг, Мотылькову, умеющему подчинять личные интересы интересам общего дела. Отвергая мотивы, движущие поступками Маяка, Мотыльков помогает товарищу найти верный путь. Он ведет борьбу против него и за него.

Нам кажется, что конфликты такого типа все настойчивее, все упорнее будут врываться в нашу драму, выражая особый характер современного драматического столкновения. Они определяются специфическим характером взаимоотношений людей нашего общества, нашего мира.

Скажем еще об одной пьесе — о «Парне из нашего города» К. Симонова, где превосходно показан образ Героя Нашего Времени, о котором мы все сейчас мечтаем. (Очень хорошо, что сейчас эта пьеса вновь начинается сценическую жизнь). В этой драме нет резко противопоставленных друг другу персонажей, если не считать «испанского эпизода». И примечательно — в иных спектаклях он вообще исключался, ибо главный драматический нерв был в другом. А разве можно отказать «Парню из нашего города» в современности конфликта, в настоящей драматической напряженности?

Представим себе, что кто-нибудь может бросить нам обвинение в прокламации печальной памяти теории о борьбе «хорошего с отличным».

Ничего подобного. Речь идет о совершенно ином.

Жизнь подсаживает нам многочисленные варианты драматических коллизий, самых неожиданных, самых удивительных и разнообразных, и нельзя подходить к ним с раз навсегда узаконенными формулами. Каждодневно возникают новые ситуации, новые типы конфликтов, и они не могут не порождать и новые приемы отражения их в произведениях

искусства, в частности в драматургии, театре. Бессмысленно ограничивать творческие поиски на том основании, что они противоречат «незыблемым» правилам. Может ли быть пьеса, в которой не будут существовать герои «отрицательные», где будут жить и действовать только «хорошие люди» со своими слабостями и недостатками, ошибками, но ни в какой мере не подлежащие решительному развенчанию, обличению? Конечно, может. И мы с увлечением и повышенным интересом будем следовать за разворачивающимися перипетиями, если только автору удастся в должной мере рассказать нам нечто значительное и интересное о явлениях действительности.

А ведь нам приходилось и читать, и слышать рассуждения о том, что если нет в жизненном факте, положенном в основу произведения, антагониста, то его нужно было найти, придумать, ибо иначе не будет драматического взрыва.

Куйбышевский драматический театр первым поставил пьесу «Дачный тулик». Мне пришлось работать с автором пьесы И. Тумановской на одном из семинаров драматургов. В первом варианте главная героиня была наделена многочисленными пороками. Уже с первой реплики можно было угадать, что это за птица. В ней вроде ничего уже и не осталось человеческого. Беспощадность к ней была проявлена в полной мере. Продолжая работу, драматург нашел для характеристики своей героини черты более гибкие, психологически усложненные. Возник облик женщины действия, поступки и мысли которой заслуживали осуждения, но степень этого осуждения повышалась именно потому, что мы видели, как иначе могла бы сложиться ее судьба, что она не представляла абсолютно чуждой нам. Сущность драматического конфликта от этого только выиграла.

Позднее И. Тумановская написала новую драму — «Звездные ночи», также осуществленную Куйбышевским театром. Основные персонажи пьесы — журналисты областной комсомольской газеты.

В числе действующих лиц есть некто Егоров, по должности заместитель главного редактора. В первоначальном варианте это был, на первый взгляд, и не плохой человек, знающий свое дело, так сказать, прилежный службист. Таких, как Егоров, нам всем, к сожалению, приходится чаще, чем кого бы хотелось, встречать на дорогах жизни. Они не совершают никаких преступлений, никаких беззаконий. Их поступки не так легко подвести под осудительную статью. Но беда их самих и тех, кто с ними встречается, что Егоровы смотрят на вас рыбьими глазами, не способны живо и трепетно откликаться на человеческие зовы. Сами не подозревая, могут они причинить людям много горя.

Егоров, каким он представлялся в первом варианте, тем и был примечателен, что в нем

не сразу можно было разоблачить, не сразу его раскусить. Он рассуждал и действовал правильно, «деловито».

Мне кажется, наибольший драматизм ситуации пьесы был как раз в «обыденности» поступков Егорова. В последнем варианте в угоду внешнему «драматизму» Егоров предстал перед нами откровенным негодяем, философствующим мерзавцем. Спрашивается, как же могли его так долго не разглядеть умные люди, ежедневно с ним общающиеся? От такого пересмотра внутреннего мира действующего лица пьесы многого не приобрела, а только утерла в остроте жизненных наблюдений.

Вот как оборачивается дело, когда искусственно отыскивается драматический конфликт, когда реальные, а потому впечатляющие попадания в цель подменяются испытанными, но холостыми выстрелами. Выходит, не всегда «обострение» характеристики идет на пользу делу.

В заключение приведем еще один, если так можно сказать, сугубо личный пример. В свое время на страницах «Советской культуры» мне пришлось выступить со статьей о некоторых новых пьесах. Среди других там была разобрана и драма одного известного драматурга. Говоря о главном герое пьесы, человеке крупном, сильном, заслуженном и удостоенном высоких наград, но ныне потерявшем перспективу, закружившемся в лучах славы, я высказал соображение, что, несмотря на все ошибки, иногда весьма существенные, мы имеем дело с нашим соратником, за доброе имя которого надо бороться, не щадя ни сил, ни энергии. Для меня было совершенно бесспорно, что этот человек дорог и близок автору.

Тем неожиданнее для меня оказался телефонный звонок драматурга и его раздраженное замечание по поводу «субъективного» толкования образа и «притупления» остроты происходящего в пьесе конфликта. Он заявил, что не питает никаких симпатий к герою. Прошло время, по этой пьесе стали показывать спектакли. И что же? Исполнители образа, о котором ведется речь, конечно, изображали его с любовью, старались особенно четко выразить в нем те качества, которые делали его нашим человеком. И зрители верили этому герою, страдали вместе с ним, были глубоко убеждены, что все хорошее у него далеко еще не позади, что он найдет в себе силу для новых взлетов. Любопытно, что в последующем автор сам признал свою несправедливую суровость к собственному детству.

Сейчас, когда советские люди стремятся жить по моральному кодексу строителей коммунизма, когда развернулась гигантская борьба за Человека Будущего, пьесы, показывающие «борьбу между своими», «борьбу за своего», особенно ценны и дороги. Они будут помогать развитию лучших, благороднейших качеств, они будут помогать искоренять те недостатки и слабости, которые могут быть и у самого хорошего человека.

И пьесы такого типа, скажем еще раз, могут быть драматичными, горячими, эмоциональ-

Н. ГРОМОВ.